

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В 31

Оформление серии *Н. Никоновой*

Вербинина, Валерия.
В 31 Черная невеста : [роман] / Валерия Вербинина. — Москва : Эксмо, 2019. — 416 с.

ISBN 978-5-04-092654-1

Вынужденно оказавшись в эмиграции, бывший секретный агент российского императора Амалия Корф скучала в Лондоне, но лишь до тех пор, пока ее дочь Ксения не попала в центр странных и опасных событий. Ксения стала свидетельницей смерти случайного прохожего, которого убили весьма специфическим способом — укололи пропитанным ядом кончиком зонта... Как выяснилось, накануне гибели мистер Роберт Бойл получил по почте свой собственный некролог, где была точно указана дата его кончины. Подобные преступления стали происходить с пугающей регулярностью, и каждый раз жертва заранее получала некролог... Чувствуя свою причастность к судьбе человека, умершего у нее на руках, Ксения приняла деятельное участие в расследовании необычных преступлений, не подозревая, что это может поставить под удар ее саму... И только вмешательство блистательной Амалии позволит избежать новой жертвы!

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Вербинина В., 2018
© Оформление.
ISBN 978-5-04-092654-1 ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Глава 1

Письмо

«Без всякого прискорбия извещаем, что мистер Роберт Аластэр Бойл скончается в Лондоне девятого числа сего месяца. Мистер Бойл родился в 1893 году, окончил школу, название которой никому не интересно, попал на войну в 1914-м, но не прославил себя никакими подвигами, которые достойны упоминания в его некрологе. После окончания войны и вплоть до своей безвременной смерти мистер Бойл работал в фирме «Шарп, Обри и Биггс», единственным смыслом существования которой является обирание доверчивых граждан. У покойного останутся вдова и двое детей. О месте и дате похорон все заинтересованные лица смогут узнать из газет».

Бывают письма долгожданные, письма неприятные, письма неизбежные — к примеру, счета и официальные уведомления, — а бывают и такие послания, что совершенно непонятно, как к ним относиться и что вообще с ними делать. При-

знать, до сегодняшнего дня мистер Роберт Бойл считал, что с чувством юмора у него все в порядке. Но когда он вскрыл конверт и прочитал текст, отпечатанный на машинке и заключенный, как и подобает настоящему некрологу, в черную рамку, то сначала ничегошеньки не понял, затем оторопел, затем остолбенел, а под конец возмутился:

— Черт знает что! Делать ему, что ли, нечего? И придет же в голову такое!

— Что случилось, Роберт? — спросила жена.

Мистер Бойл побагровел и скомкал листок, который держал в руке.

— Да так... Глупости, Джуди, не забивай себе голову. Некоторые люди почему-то считают, что им все позволено...

Но жена, которая успела за семь лет совместной жизни хорошо изучить все разновидности выражения его широкого открытого лица, встревожилась.

— Ты чем-то расстроен? — обеспокоенно спросила она.

— Нет, нет! Просто дурацкая шутка. — Роберт рассмеялся напряженным, вынужденным смехом. Под испытующим взглядом Джуди ему сделалось малость не по себе, и к тому же он терпеть не мог лгать жене. — Понимаешь, это Гарри, мой бывший армейский приятель... — Говоря, он машинально покосился на конверт. — Обратного адреса на письме нет, но такой розыгрыш вполне в его духе.

— Это тот Гарри, которого мы видели на прошлой неделе? — задумчиво спросила Джуди. — В ресторане...

Она не договорила, потому что отлично помнила, что Роберт, едва приметив в зале старого знакомого, изменился в лице и настоял на том, чтобы они с женой немедленно ушли оттуда. Само собой, ее такая реакция озадачила, но Джуди не посмела тогда спрашивать объяснений. Мужчины такие странные! К примеру, живешь с человеком душа в душу несколько лет, думаешь, что знаешь его как облупленного, а он нет-нет да преподнесет какой-нибудь сюрприз. Роберт вообще не любил говорить о войне, и мало ли что он мог не поделить с этим Гарри...

— Что ему от тебя нужно? — спросила она.

— Понятия не имею. — Роберт поморщился и, чтобы хоть как-то выразить обуревавшие его чувства, разорвал письмо на четыре части и вместе с конвертом выкинул в мусор. — Кофе совсем остыл, — буркнул он, вернувшись на место и отпивая из своей чашки. И по тону мужа Джуди поняла, что он больше не желает говорить ни о Гарри, ни о таинственном письме, вызвавшем такой приступ раздражения.

Все это произошло восьмого марта, а утром девятого, собираясь, как обычно, в Сити, Роберт Бойл почти забыл о вчерашнем послании. Ему предстояло столько дел — работа, потом надо было купить

подарок старшему сыну, день рождения которого отмечали на этой неделе, и еще следовало решить массу совершенно неотложных вопросов — например, где достать коричневые шнурки для ботинок и не пора ли рассчитать кухарку, которая готовит не то чтобы совсем плохо, но и не сказать чтобы хорошо. Вообще после войны дела с прислугой стали обстоять куда хуже, чем раньше, и мистер Бойл, как и многие его здравомыслящие соотечественники, полагал, что всему виной происки большевиков.

С утра накрапывал дождь, но уже к обеду пасмурное небо и хорошая погода заключили перемирие, которое выразилось в том, что тучи отчасти разошлись и сквозь их разрывы брызнуло солнце. Когда после работы мистер Бойл вышел на улицу, весь Лондон искрился золотом, и по сероватым волнам Темзы бежали сверкающие блики.

«Пожалуй, шнурки подождут, — в порыве вдохновения подумал мистер Бойл. — Томми просил игрушечный самолетик, а на Стрэнде есть отличный магазин... Думаю, у них есть именно то, что мне нужно».

Но он вскоре пожалел, что идет к Стрэнду, потому что коварное солнце выманило из домов даже тех лондонцев, которые терпеть не могут покидать родные стены, и тротуары в центре были забиты толпами народа. Роберта несколько раз толкнули, и вдобавок кто-то из гуляющих уколол его своим зонтиком и даже не подумал извиниться. До ма-

газина, где он рассчитывал купить подарок своему сыну, оставалось всего несколько шагов, но Роберту Бойлу уже не суждено было их преодолеть.

Сначала стены домов накренились и заходили ходуном, а вывески заплясали перед глазами. Чувствуя приступ удушья («Неужели это из-за стряпни Энни? Да нет, не может быть»), Роберт развязал шарф и ослабил галстук, но легче не стало — наоборот, он почувствовал липкий страх и какую-то странную, невыразимую, ни на что не похожую тоску.

— Ну ты смотри, куда идешь! Глаза-то разуй...

Кудлатая веснушчатая баба — по выговору типичная кокни, — проходя мимо, грубо толкнула его, и внезапно он понял: это конец. Держа в правой руке портфель, левой он машинально пытался еще больше ослабить галстук, но что-то — возможно, интуиция, которая умирает последней, даже после надежды, — настойчиво нашептывало ему, что все бесполезно. Роберт задыхался, ему не хватало воздуха, сердце отчаянно колотилось у него в груди. Он стоял, покачиваясь из стороны в сторону, а вокруг были все те же равнодушные, уродливые, чужие лица.

И внезапно его охватил ужас — что он умрет так обыденно, так жестоко, вдали от близких, и в его последнюю минуту рядом не будет никого, никого — никого. Только он и ангел смерти, который не дал ему даже дотянуть до сорока — да что там сорока, даже до тридцати пяти...

— Сэр, вам нехорошо?

Все плыло у него перед глазами, но он все же успел увидеть надвигающийся на него женский силуэт и ощутил тонкий аромат каких-то духов, окутывавший незнакомку нежным коконом. Она подхватила шатающегося Роберта под локоть своей маленькой, но твердой рукой, и безумная надежда на спасение вдруг шевельнулась в его душе.

— Сэр, сэр, вот скамейка — я держу вас — сюда — садитесь — боже мой! Вы слышите меня?

Потом, как сквозь вату, до него донеслось:

— Человеку плохо — позовите врача! — Это она кричала кому-то другому, вероятно полицейскому.

Но тьма уже надвигалась на него, готовая его поглотить. Голова Роберта откинулась на спинку скамьи, и только веки едва подрагивали, показывая, что он еще жив.

— Джуди, — прошептал он, собрав последние силы, — самолет...

— Сэр!

Машинально он все еще прижимал к себе портфель.

— Врач сейчас будет... Отойдите, пожалуйста, дайте ему дышать!

— Удар, — пробубнил кто-то из-за темной пелены, которую деловито разворачивал вокруг Роберта ангел смерти.

— Сердечный приступ, я вам точно говорю, — отозвался высокий неприятный женский голос. — Взять хотя бы моего кузена...

Роберт закрыл глаза, но что-то мешало ему уйти за пелену целиком.

Ах да, незнакомка. Она все еще держала его за руку, и на мгновение — на какую-то долю мгновения — перед концом он успел увидеть ее лицо. Она заслуживала того, чтобы он сказал ей... Да, да, сказал самое важное, то, что подспудно мучило его последние сутки, хотя он не решился признаться даже самому себе... Губы Роберта шевельнулись. Чтобы расслышать, девушка наклонилась над ним так низко, что концы ее волос коснулись его щеки. Мимо сидящих по Стрэнду катился поток автомобилей, и по тротуарам по-прежнему текла беззаботная, ленивая, как река, толпа.

— Некролог, — прошептал он.

— Что? — изумилась она.

Но Роберт Бойл уже ничего не слышал. Взгляд его застыл, нижняя челюсть отвисла. Он был мертв.

Глава 2

Ксения

В мире нет ничего постоянного, кроме, пожалуй, непостоянства. Впрочем, это уже трюизм с замахом на парадокс.

Самый прочный дом может рухнуть, город — стать жертвой стихийного бедствия, государство — развалиться еще быстрее, чем город или дом. Но

должны же остаться хоть какие-нибудь привычки, незабываемые или притворяющиеся незабываемыми, которые все уважают и соблюдают!

К примеру, если вы позвонили матери и предупредили, что придете к семичасовому ужину (в Петербурге это был бы обед, но где теперь тот аристократический, имперский Петербург?), — так вот, если вы обещали явиться, но не явились вовремя, это проявление как минимум неуважения, небрежности, необязательности и должно караться по всей строгости внутрисемейного закона. (Взгляд на часы.) А если опоздание больше чем на полчаса, это непростительно!

Восхитительно безразличные стрелки кружили в вечном вальсе времени, и наконец, когда они показали без четверти восемь, в передней затрещал долгожданный звонок. Простучали бойкие каблучки горничной, а немолодая дама, сидевшая в кресле и только что размышлявшая о привычках и непостоянстве, вцепилась обеими руками в подлокотники до того, что побелели пальцы.

«Боже мой, уж не случилось ли с ней чего?»

— Амалия Константиновна, барышня прибыла...

Барышня. Барышня. Ох, от сердца отлегло. За окнами — Лондон, район Белгрэвия, аристократический и надменный. Но упало слово — барышня, — и исчез Лондон, скукожился и сгинул. Остался один Петербург, воображаемый, но оттого не менее реальный.

...Боже мой, когда же она перестанет сожалеть о былых временах? Когда перестанет вспоминать о них?

— Мама, прости, я опоздала, но это не моя вина...

Но Амалия уже угадала — по выражению лица дочери, — что произошло что-то экстраординарное, иначе Ксения не выглядела бы такой взвинченной.

— Машенька, распорядись... Ужин, конечно, остыл, но это не беда. Будешь чай, пока еду разогреют?

Ксения мотнула головой.

— Не надо, мама... Мне кусок в горло не полезет.

— Что произошло? — тихо спросила Амалия, пристально вглядываясь в дочь.

— Произошло? — Ксения не села, а почти рухнула в кресло. — С точки зрения репортеров, наверное, пустяк... В утренних газетах напишут. Просто на улице умер человек...

Ее лицо исказилось. И, хотя Амалия все поняла, она все же спросила, справедливо считая, что дочери станет легче, если она выговорится:

— Это случилось при тебе?

Кивок.

— Где?

— На Стрэнде. Я хотела зайти в магазин, кое-что купить, и вот...

— Несчастный случай?

— Если человек умирает на улице, то вряд ли это можно назвать счастливым случаем, — сухо заметила Ксения. — Нет, его не сбила машина, он не попал под автобус, ничего подобного. Просто...

Пауза, во время которой в гостинной материализовалась Машенька с чаем, вареньем и пирожными. Ксения невидящим взглядом смотрела на чашку, в которую лился ароматный напиток. Вполголоса сообщив Амалии, что ужин будет подан через четверть часа, Машенька вышла, прикрыв за собой дверь.

— Расскажи мне все, — попросила Амалия, когда молчать стало совсем невмоготу.

Ксения вздохнула. Внешне мать и дочь не то чтобы походили друг на друга, но было между ними какое-то тождество, куда более важное, чем простое сходство. У Ксении овал лица был тоньше и волосы темнее, но больше всего в ее облике поражали глаза. Когда она была рассеянной или задумчивой, ее слегка прищуренный взгляд скользил по предметам, ни на чем не останавливаясь; но неожиданно от какой-нибудь фразы собеседника или мысли она преображалась, и тогда в ее глазах вспыхивало пламя, и взор их становился прямым и острым, как лезвие кинжала. Обе женщины могли считаться красавицами, но было заметно, что Амалия куда больше заботится о своей одежде и внешности, чем дочь. Мать легко было представить на каком-нибудь

дворцовом приеме в платье со шлейфом, а вот Ксения на первый взгляд производила впечатление вполне современной девушки, не помышляющей ни о чем подобном. Однако достаточно было приглядеться к горделивой посадке головы, к тонкой изящной шее, чтобы понять, что дочь, в сущности, еще более далека от современности, чем мать, и пожалеть, что она не жила во времена Боттичелли. Уж он-то сумел бы написать ее правдивый портрет.

— Рассказать... — вяло протянула Ксения, собираясь с мыслями. — Да что тут рассказывать, в самом деле...

И все же она решилась:

— Знаешь, он умер почти у меня на руках.

— Мне очень жаль, — сказала Амалия, и эти банальные слова прозвучали совершенно искренне.

— Шел по улице и умер. Да, — Ксения закусила губу. — Вот так, оказывается, все и происходит, и не надо ни войны, ни сражений, ни пуль, ни чемоданов...

Тут, пожалуй, стоит пояснить, что «чемоданами» беженцы из России называли тяжелые снаряды, широко использовавшиеся во время войны.

— И светило солнце, — добавила Ксения, страдальчески морщась. — Обыкновенный такой день, понимаешь... Врач пришел, когда он был уже мертв. Потом полиция захотела знать, что я делаю рядом с телом... Пришлось мне давать объяснения. И как будто этого мало, откуда-то появился репор-